

DOI 10.15393/j9.art.2014.732

Мария Константиновна Кузьмина

аспирант филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова,
учитель русского языка и литературы,
школа во имя апостола и евангелиста Иоанна Богослова
(Москва, Российская Федерация)
markuzmina@yandex.ru

БИБЛЕЙСКИЕ ЦИТАТЫ В СКАЗАНИИ ИНОКА ИННОКЕНТИЯ О СМЕРТИ ПАФНУТИЯ БОРОВСКОГО И ИХ ФУНКЦИИ

Аннотация. В статье рассматривается реализация агиографического принципа *Imitatio Christi*, сопоставляющего посредством библейских цитат, аллюзий и реминисценций жизнь и деяния святого с жизнью и деяниями Христа, на материале одного из наиболее популярных памятников древнерусской агиографии – «Сказания о смерти Пафнутия Боровского», написанного учеником преподобного, иноком Иннокентием. Традиционно характеризуемая как маргинальная в плане агиопоэтики, «Повесть» на деле оказывается воплощением принципа *imitatio*. Смерть протагониста сказания – преподобного Пафнутия – осознанно и последовательно сопоставляется с крестными страданиями и смертью Христа. Так, Пафнутий окружен нерадивыми учениками, которые, подобно апостолам в Гефсиманском саду, оказываются не в состоянии выдержать высокого молитвенного напряжения, переживаемого святым накануне смерти, и вместо того чтобы упражняться в молитве, засыпают. Пафнутий, подобно Христу пред лицом Пилата, остается безмолвным перед лицом обращающихся к нему монахов и мирян и произносит слова, вложенные евангелистами в уста Христа накануне Его крестной смерти. Агиограф использует неатрибутированные цитаты, а также цитаты-инсценировки, а сам текст «Сказания» строится по сложным законам агиопоэтики.

Ключевые слова: агиография, библейские цитаты, принцип *imitatio Christi*, библейский прообраз, евангельский прецедент

Одно из оригинальнейших произведений древнерусской литературы (впервые опубликовано В. О. Ключевским в его книге «Древнерусские жития святых как исторический источник» [5]), «Сказание о смерти Пафнутия Боровского», составленное ближайшим учеником преподобного Пафнутия иноком Иннокентием, не раз привлекало к себе внимание исследователей литературы и культуры Древней Руси.

При этом подчеркивались прежде всего его безыскусность, нелитературность и точность в описании Иннокентием обыденной жизни русского средневекового монастыря.

По словам Д. С. Лихачева, «перед нами как бы бессознательный, стихийный средневековый натурализм» [6, 132] — явление чрезвычайное для словесности той эпохи. По мнению Я. С. Лурье, для текста «Сказания» характерна «точная передача устной интонации Пафнутия», а «безыскусность и непосредственность изложения при несомненном литературном таланте автора делают Записку Иннокентия одним из замечательнейших памятников древнерусской литературы» [4, 404].

Действительно, «Сказание» изобилует характерными подробностями, бытовыми деталями и репликами, передающими или стремящимися буквально передать сказанное самим Пафнутием и его учениками в последние дни его жизни. В тексте «Сказания» мы видим преподобного вблизи, лишенным нимба, сидящим у сенных дверей, скрывающимся в алтаре от назойливого княжеского посланника, одеваемым руками учеников к богослужению.

Однако впечатление простоты и безыскусности, справедливо рождающееся у читателя, раскрывает перед ним только внешний план повествования. Ключом же к разгадке сокровенного, глубинного смысла происходящего должны явиться цитаты и аллюзии на тексты Священного Писания, в первую очередь на текст Четвероевангелия, и — точнее — на текст двенадцати страстных Евангелий.

Именно цитаты на тексты Четвероевангелия являются теми тематическими ключами [8, 433], при помощи которых Иннокентий совсем не безыскусно, а показывая изрядное литературное мастерство, выстраивает свое описание смерти преподобного.

В целом повествование являет собой прекрасный образец реализации литературной парадигмы *Imitatio Christi*, одного из основных принципов агиографической поэтики Древней Руси [11, 13].

Первая же аллюзия Иннокентия на Евангелие от Иоанна (Мария «яко услыша, воста скоро и иде к нему», Ин 11:29)

служит раскрытию главной мысли автора: жизнь Пафнутия есть воспроизведение евангельского прецедента:

Егда же 6-му часу скончавшюся, тогда прииде ко мне ученикъ старцевъ юнный Варсануфье и рече ми: «Старець Пафнотей посла къ тебе, поиди, идеже ти сам повелехъ». Мне же смутившюся о семь, скоро вьстахъ и идохъ къ старцу¹ (460).

Здесь впервые в тексте сказания инок Иннокентий использует неатрибутированную цитату, при прочтении которой преподобный Пафнутий соотносится с самим Христом, сам же составитель сказания сокровенно сопоставляется с сестрой Лазаря Марией, скоро восставшей на встречу посланному за ней учителю. Мария, напомним, избрала благую часть слушания божественных заповедей. Действительно, Иннокентий как составитель сказания показывает себя прекрасным знатоком Священного Писания. Одновременно Варсонофий неслучайно, как увидим впоследствии, сопоставлен именно с Марфой, которая в Евангелии «печется и молвит» о многом, но чего-то существенного в духовной жизни не понимает.

Итак, как некогда Христос призвал к себе вторую сестру умершего Лазаря, Пафнутий призывает к себе Иннокентия, послав за ним одного из своих учеников.

То, что здесь и далее перед нами не точная цитата, а скорее аллюзия, в которой предикация подлинника изменена, вовсе не должно нас смущать. «Значимые параллели летописных фрагментов с библейскими сказаниями совершенно необязательно должны иметь вид точных цитат» [9, 25]. То же самое можно утверждать и применительно к древнерусской агиографии. Однако для того, чтобы можно было утверждать, что неатрибутированная книжником цитата вводится им в повествование осмысленно как отсылка к библейскому контексту, необходимо найти как минимум две или три схожие по своей функции в составе композиции жития цитаты: «При разграничении цитаты и топоса необходимо, очевидно, учитывать общую стратегию текста: наличие иных цитат, следов установки на связь с контекстом, которому принадлежит вероятный источник, оправданность цитаты

(функциональность, привнесение дополнительных смыслов из исходного текста)» [10, 27].

Этот критерий, который можно назвать критерием двух и более элементов в составе интерпретируемого произведения, соотнесенных с библейским архетипом, соблюден: Иннокентий, как увидим, отсылает своего читателя к тексту Четвероевангелия многократно.

Тогда не обретох покоя всю ночь, но без сна пребывах, множицею и к келии старца прихождахъ в нощи и не смеях внити, понеже слышах его не спяща, но молящася. Ученику же его, юну сущу, ничтоже от сих ведящу, точию сну прилежашу (480).

Впервые в тексте сказания нерадивый ученик старца Пафнутия спит, в то время как тот пребывает на молитве. Отметим кстати, что действие сказания начинается в четверг: *Въ четверг 3 недели, назавтрее Георгиева дни* (478), *В сий же день четверток имам пременитися немощи моя* (480).

Итак, в последний четверг перед смертью преподобный, предчувствуя кончину, молится, тогда как ближайший его ученик Варсонофий отягощен сном.

Через несколько дней картина повторяется:

Мне же малаго ради покоя отшедшу въ келью, паки помале възвратихся къ старцу, обретох его неспяща, Иисусову молитву глаголюща, брата же седяща и дремлюща (494).

Преподобный, проникнутый покаянным ожиданием приближающейся смерти, молится, брат же келейник в нерадении спит.

Наконец, и в третий раз, перед самой кончиною преподобного, Иннокентий вновь находит Пафнутия бодрствующим и молящимся, тогда как изнемогший от усталости Варсонофий, вполне оправдавший сопоставление с Марфой, заснул:

Старцу молящуся, якоже преже рех, аз же възбудих ученика его спяща и жестокими словесы претих ему, и нерадива и непотребна нарицах его: «Не видиши ли старца въ последнемъ издыхании, а ты не трепещеши, ни трезвишися!» (508).

Таким образом, троекратно повторяющийся на протяжении текста «Сказания» мотив молитвы предчувствующего приближение смерти преподобного в окружении отягощенных

сном учеников отсылает читателя к Гефсиманской молитве Христа:

И глагола учеником: седите ту, дондеже шед помолюся тамо. И поем Петра и оба сына Зеведеова, начать скорбети и тужити. Тогда глагола им Иисус: Прискорбна есть душа моя до смерти. Пождите зде, и бдите с мною. И пришедъ мало, паде на лице своемъ моляся и глаголя: отче мой, аще възможно есть, да мимоидет от мене чаша сия, обаче не якоже азъ хочу, но якоже ты. И пришед к учеником, и обрете их спящих и глагола Петрови: Тако ли не возмогосте единого часа побдети со мною (от Мф. 26:36–40, см. также от Мк. 14:33–41).

Келейник святого, будучи не в состоянии вынести духовного напряжения, переживаемого преподобным Пафнутием, засыпает, и старец вынужден молитвенно предстоять Богу в полном одиночестве.

Отметим и то, что в евангельском тексте между первым, вторым и третьим снами апостолов, укоряемых Христом за небрежение в молитве, проходит всего несколько часов. В тексте же «Сказания» мотив одинокой молитвы преподобного повторяется с интервалами в несколько дней. При этом с каждым разом его трагизм нарастает, смерть святого старца приближается, а ученики все так же пребывают в пагубном нерадении.

Перед нами типичная цитата-инсценировка, в терминологии М. Гардзанити [1, 30], представленная композиционным объединением разрозненных цитат. Следует также отметить, что для восприятия подобной цитаты необходимо более чем внимательное прочтение текста «Сказания». Таким образом, агиограф адресует свое произведение читателю, ориентированному на последовательное нахождение в его тексте библейских прообразов.

Примечательно, что в нерадении Варсонофия упрекает не сам Пафнутий, что сделало бы сходство с евангельским прототипом буквальным, а автор сказания Иннокентий. Искусные библейские инкрустации в составе текста «Сказания» говорят о том, что Иннокентий в первую очередь литератор, и только потом биограф. Параллель «Пафнутий — Христос» есть параллель, подсказанная книжнику агиографическим

узусом и многочисленными примерами аналогичных реализаций на материале других житий. Итaк, сам агиограф понимал, что старец не мог ассоциировать себя с Христом, и подчеркивал свое авторство воспроизводимой концепции.

Узнав о болезни преподобного, иноки обители, а также некоторые из почитавших его мирян стремятся проститься с ним, заручиться его благословением, услышать его предсмертные наставления, старец, однако:

О всем мльчаше, разве точью молитву Иисусову непрестанно глаголаше (482).

Мотив молчания святого устойчив и неоднократно повторяется в «Сказании». На большую часть вопросов мирян и даже ближайших своих учеников старец, как некогда и Господь перед лицом архиереев и Пилата, отвечает молчанием: «он же молчаше, и ничесоже отвещаваше» (Мк. 14:61).

Таже братии подоваше, глаголя: «Пийти чашю сию, чада, пийти аки последнее благословение, аз бо к сему не еще от сея пию или вкушу» (500).

Иннокентий использует еще одну евангельскую аллюзию, в которой его учитель Пафнутий сопоставляется с Христом, прощающимся с учениками-апостолами на Тайной Вечере: «Глаголю же вамъ, яко не имам пити отныне от сего плода лознаго, до дне того, егда и пию с вами ново в царствии отца моего» (Мф. 26:29). Параллель Пафнутий — Христос, таким образом, углубляется и обрастает дополнительными смыслами.

Преподобный Пафнутий, как и некогда Христос, предвидит все, должное с ним случиться, с предельной духовной сосредоточенностью переживает приближение смертного часа и потаенно свидетельствует об этом своим ученикам. Кроме того, преподобный старец косвенно возвещает им о посмертной жизни и союзе любви, которым будут соединены его верные ученики *в царствии отца моего*, в царствии Единого, или Христа, которому он служил от юности.

Одним из главных мотивов «Сказания» является мотив конечного отречения преподобного Пафнутия от временных и суетных дел мира сего. На протяжении последних

предсмертных дней жизни святого старца обитель наполняется многими мирянами, в том числе — посланниками великого князя, его матери княгини Марии, жены великого князя, «грекыни» Софьи, а также Можайского князя Михаила Андреевича. Преподобный Пафнутий категорически отказывается принять кого бы то ни было: *Никтоже от мирянь входит къ старцу, ниже самый князь, аще ли же истинну ти реку — ни пославый тя внидет* (492), — вынужден ответить Иннокентий посланнику самого Ивана III. В ответ на назойливые просьбы Иннокентия принять богатые подношения высокопоставленных посланцев Пафнутий сокрушается:

Не даси же ми от мира сего ни един час отдохнути. Не веси ли — 60 лет угажено миру и мирьским человеком, князем и бояром! И в сретенье им совано ся, и в беседе с ними маньячено, и вслед по них такоже совано ся. А того и не вем: чесого ради? Ныне познах — никая ми от всего того полза (502).

Но ведь именно излишняя вовлеченность в дела мира сего ставилась некоторыми исследователями текста «Сказания» в вину преподобному. Так, по мысли И. У. Будовница, самым большим достижением преподобного Пафнутия было «установление тесных связей с сильными мира сего, поддерживавшими Пафнутиев монастырь своими средствами» [2, 226].

Действительно, мотив отречения, отказа преподобного на смертном одре от житейских забот и угождения властям предрежащим не только неоднократно повторяется в тексте «Сказания», но и усиленно нагнетается по ходу его действия, принимая подчас самые неожиданные формы.

Так, удельный князь Михаил Можайский неоднократно выступает в тексте «Сказания» в роли самого дьявола, иначе — *князя мира сего*.

Дивлюся князю, съ чем присылаеть — «Сына моего благослови, князя Ивана», а князь Василей ему не сын ли? Самъ на ся разделся (490), — замечает Пафнутий на просьбу князя, переданную Иннокентием.

В этих словах Пафнутий, как это было отмечено Л. А. Дмитриевым², цитирует Евангелие от Матфея (12:25–26), причем князь Михаил сопоставляется именно с дьяволом, сильным, дом которого непременно падет, и царство которого не устоит.

Впоследствии сопоставление углубляется:

Мне же сказавшу, что князь присла, ему же ничтоже отвечающу, точию отпустить повеле: «Несть ему у мене ни о чем дела» (482).

В контексте приведенной выше цитаты слова святого следует прочитывать как аллюзию на четырнадцатую главу Евангелия от Иоанна: «Ктому немного глаголю с вами. Грядет бо сего мира князь, и в мне не имать ничесоже» (Ин. 14:30).

Почему же князь Михаил Можайский в Пафнутии *не имать ничесоже*? Потому ли только, что «преподобный старец в жизнь свою испытал довольно скорбей от удельной власти, сильной для своеволий и бессильной для защиты подчиненных ей» [3, 241]?

Не только.

По мысли многих святых отцов, в частности Никодима Святогорца, каждый человек в час, предшествующий его смерти, должен, подобно Христу, встретиться с князем мира сего: «Ибо если враг дерзал приступить к безгрешному Господу в конце земных дней Его, как сказал Сам Господь: Грядет бо мира сего князь, и во Мне не имать ничесоже (Ин. 14, 30), то что же может удержать его от нападения на нас, грешных, в конце нашей жизни?» [7, 379].

Инок Иннокентий (так называемый протест от литературы!), таким образом, мастерски переосмысливает одно из характерных святоотеческих изречений, возводя проблему взаимоотношения монастырского руководства и светской власти на глубочайший, богословски осмысленный уровень.

Литературное чудо XV века [6, 132], таким образом, интересно не столько своим надвременным, опередившим свой век натурализмом и протокольностью производимых его автором записей, сколько редким соединением внешней литературной простоты и мастерства.

Примечания

- ¹ Здесь и далее цитаты приводятся по изданию: Сказание о смерти Пафнутия Боровского // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века, М., 1982. С. 478–513.
- ² Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 1999. Т. 7. С. 521.

Список литературы

1. *Гардзанини М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. Т. LVIII. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 28–41.
2. *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI вв. М.: Наука, 1966. 392 с.
3. *Филарет (Гумилевский).* Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб.: Русская симфония, 2008. 760 с.
4. *Иннокентий, инок Пафнутиева монастыря* // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV–XVI в. А – К. Л.: Наука, 1988. С. 404–405.
5. *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М.: АСТ; Астрель, 2003. 394 с.
6. *Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М.: Наука, 1970. 180 с.
7. *Никодим Святогорец.* Невидимая брань. М.: Правило веры, 1996. 443 с.
8. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей в литературном коде православного славянства // Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М.: Знак: Кошелев, 2003. С. 431–466.
9. *Ранчин А. М.* Еще раз о библеизмах в древнерусском летописании // Вертоград златоструйный. Древнерусская книжность в интерпретациях, разборах и комментариях. М., 2007. С. 24–41.
10. *Ранчин А. М.* О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топов и цитат // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3. С. 21–32.
11. *Rudi T. R.* *Imitatio Christi* // Die Welt der Slaven. Munich, 2003. Bd. 48. S. 123–134.
12. *Руди Т. Р.* «Imitatio angeli» (проблемы типологии агиографической топики) // Русская литература. 2003. № 2. С. 48–59.

Mariya Konstantinovna Kuzmina

*A Postgraduate Student of Moscow State University,
a Teacher of Russian Language and Literature
(Moscow, Russian Federation)*

**BIBLICAL QUOTATIONS IN THE LEGEND
OF THE DEATH OF SAINT PAFNUTY OF BOROVSK
AND THEIR FUNCTIONS**

Abstract. The article concerns the realization of famous paradigm *Imitatio Christi*, comparing the lives and acts of saints with those of Christ in ancient russian hagiography in general and in the Legend describing the death of Pafnutiy of Borovsk in particular. Traditionally injected in the narration by biblical quotations and reminiscences, the paradigm equalizes the days

preceding the decease of Pafnutiy with premortal sufferings of Christ. Thus, Pafnutiy is surrounded with negligent disciples, which are not able, as well as the apostles in the Gethsemane garden, to bear the high level of prayful effort the ascetic experiences. Pafnutiy stays silent, when monks address to him, as well as Christ, when Pilate asks Him. Innokentiy, the hagiographer of the saint utilizes quotations without the attribution as well as the compositional quotations. Consequently the impression of stenography in the description of last days of Pafnutiy is to be illusory, and the text of the “Legend” is constructed with sophisticated laws of hagiographical poetics.

Keywords: hagiography, biblical quotations, biblical prototype, paradigm of *Imitatio Christi*

References

1. Gardzaniti M. Bibleyskie tsitaty v literature Slaviya Ortodoksa [Biblical quotations in literature of Slavia Orthodoxa]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Works of departement of ancient russian literature]. Saint-Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2007, vol. 58, pp. 28–41
2. Budovnits I. U. *Monastyri na Rusi i bor'ba s nimi krest'yan v XIV–XVI vekakh* [Monasteries in Russia and peasants' struggle against them in 14th–16th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 1966. 392 p.
3. Gumilevsky Filaret. *Russkie svyatye, chtimye vseyu tserkov'yu ili mestno* [Russian saints, honored by the whole church or locally]. Saint-Petersburg, Russkaya simfoniya Publ., 2008. 760 p.
4. Innokentiy, inok Pafnutieva monastyrya [Innokentiy, a monk of Pafnutiev monastery]. *Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevney Rusi. Vtoraya polovina XIV–XVI vekov. A–K* [Dictionary of ancient russian scribes. The second part of the 14th–15th centuries. A–K]. Leningrad, Nauka Publ., 1988, pp. 404–405.
5. Klyuchevskiy V. O. *Drevnerusskie zhitiya svyatykh kak istoricheskiy istochnik* [Ancient russian lives as historical source]. Moscow, AST; Astrel' Publ., 2003. 394 p.
6. Likhachev D. S. *Chelovek v literature Drevney Rusi* [Man in ancient russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 180 p.
7. Nikodim Svyatogorets. *Nevidimaya bran'* [Invisible battle]. Moscow, Pravilo very Publ., 1996. 443 p.
8. Pikkio R. Funktsiya bibleyskikh tematicheskikh klyuchey v literaturnom kode pravoslavnogo slavyanstva [The function of biblical thematic clues in the literary code of Slavia Orthodoxa]. *Slaviya Ortodoksa. Literatura i yazyk* [Slavia Orthodoxa. Literature and language]. Moscow, Znak: Koshelev Publ., 2003, pp. 431–466.
9. Ranchin A. M. Eshche raz o bibleizmakh v drevnerusskom letopisanii [Once again about biblical expressions in ancient Russian chronicles]. *Vertograd zlatostrunnyy. Drevnerusskaya knizhnost' v interpretatsiyakh*,

- razborakh i kommentariyakh* [Golden garden. Ancient russian literature considered with interpretations, essays and commentaries]. Moscow, 2007. pp. 24–41.
10. Ranchin A. M. O topike v drevnerusskoy slovesnosti: k probleme razgranicheniya toposov i tsitat [Towards common places in ancient russian literature: how to distinguish common places and quotations]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Russia. Medieval researches], 2012, no. 3, pp. 21–32.
 11. Rudi T. R. Imitatio Christi [Imitatio Christi]. *Die Welt der Slaven*. [World of Slav]. Munich, 2003, vol. 48, pp. 123–134.
 12. Rudi T. R. «Imitatio angeli» (problemy tipologii agiograficheskoy topiki) [«Imitatio angeli» (the problems of the typology of hagiographical common places)]. *Russkaya literatura* [Russian literature], 2003, no. 2, pp. 48–59.